

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470)''16/18''

ПОСОЛЬСКИЙ ПРИКАЗ В XVII В.: ПУТИ ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИИ

Е. Е. Вахрамеева

Исследуются каналы коммуникации европейцев с москвитями в рамках деятельности Посольского приказа в XVII в. Особое внимание уделено организационной системе внутри приказа, взаимодействию между его работниками, неформальному общению с представителями западных государств во время и после службы.

Ключевые слова: дипломатия, межкультурная коммуникация, европеизм, Посольский приказ, неформальное общение.

Среди современных отечественных исследований о Посольском приказе и межкультурной коммуникации внутри него необходимо отметить труд Н. М. Рогожина [*Рогожин, 2002*], акцентировавшего внимание на мультикультурную и поликонфессиональную атмосферу в работе приказа, уникальную по отношению к остальным нескольким десяткам приказов данного периода. Несомненно, это не могло не оказать влияние на бытовой уклад глав и ведущих специалистов посольского дела. Конкретные примеры проникновения европейского быта или управленческого опыта в жизнь руководителей приказа представлены в исследованиях Л. А. Черной [*Черная, 1999*], С. П. Орленко [*Орленко, 2004, с. 171*], И. В. Галактионова и Е. В. Чистяковой [*Галактионов, Чистякова, 1961*].

Языковые компетенции у служащих Посольского приказа, рассмотренные в работах А. В. Белякова [*Беляков, 2008*], позволяли узнавать и обрабатывать информацию из Европы до того, как она попадала в царский придворный круг. Статьи И. Майера и В. Пилгеля [*Maier, Pilgel, 2001, р. 209–242; История..., 2010*], посвященные переводческой деятельности приказа, отмечают, что привозимые европейские газеты, отчеты послов и другая информация о событиях в Европе позволили ему стать коммуникационным центром с Европой. В целом, среди исследований Посольского приказа преобладает интерес к анализу его деятельности, а целостное изучение каналов коммуникации европейцев с москвитями в рамках Посольского приказа в XVII в. остается на данный момент делом будущего.

История Посольского приказа, учреждения, ведавшего внешнеполитическими делами, начинается с 1549 г. Согласно исследованию Т. В. Зоновой попытка создать компетентные органы во внешней политике в XVI в., за исключением Италии, в европейских государствах провалилась [*Зонова, 2003, с. 26*]. В Московском же государстве появился Посольский приказ, который имел штат постоянных работников с жалованием из казны, дипломатическую документацию согласно европейским аналогам, архив, европейскую форму договора, разработанные варианты государственной печати. По организации дипломатической службы в XVI в. Московское государство по ряду показателей шло впереди европейских стран [*Там же, с. 29*], отставая в создании постоянных дипломатических представительств.

Г. К. Котошихин так описывал Посольский приказ в период правления Алексея Михайловича: «...ведомы в том Приказе дела всех окрестных государств», «Московские и приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди», «послов чужеземских принимают», «Русских послов и посланников и гонцов посылают», «судят торговых иноземцов, и росправу им чинят с Русскими людьми», «да в том же Приказе ведомы 5 городов... на всякие покупки на расход», «...ведомы печати: большая государственная, которою печатают грамоты, что посылают во окрестные государства, другая что печатают грамоты жалованные на вотчины всяких чинов людям» [*Котошихин, 1859*].

Для выполнения поставленных задач служащим главного внешнеполитического ведомства приходилось ежедневно обрабатывать большое количество информации, поступавшей в виде при-

казных документов, газет или книг для перевода, отчетов о выполнении заграничных поручений и посольств, челобитных от жителей иноземных слобод или купцов на московитов, а также прямую контактировать с иноземцами. В связи с этим в рамках приказа процесс коммуникации между европейцами и московитами шел особенно интенсивно и происходил непосредственно или опосредованно через:

- элементы организационной системы внутри приказа, например, посольства, представительства за границей; решение судебных дел между иностранцами и московитами; осуществление контроля за иноземными слободами; переводческую деятельность; работу библиотеки светской и религиозной литературы; делопроизводство;
- взаимодействие между работниками приказа, среди которых были перекрещенные иностранцы;
- неформальное общение с представителями западных государств во время и после службы.

Необходимо отметить и два новшества, совершившие определенный переворот в дипломатии XVII в. – появление почтовой связи и новостных газет, создавших базу для единого информационного европейского пространства. Благодаря развитию новых средств коммуникации в XVII в. процесс взаимодействия между Московским и европейскими государствами стал более динамичным и интенсивным. Согласно И. Майеру и Д. Ваугу Посольский приказ в XVII в. был центром «европейской коммуникации и интеграции в нее Московского государства» [Maier, Waugh, 2009, p. 18] благодаря коммуникационным потокам, которые появились в приказе.

Особенность приказа была в том, что задачи, которые стояли перед ним, требовали открытости, преимущества знаний и навыков перед местническими традициями. Это приводило к тому, что в рамках данного приказа существовавшие механизмы не всегда работали, а новые решения декорировались под традицию. Разнообразие функций приказа влияло на требования к служащему. Он должен был владеть навыками презентации, межкультурной коммуникации, ведения переговоров, обработки информации, работы в стрессовых ситуациях, которые мог приобрести в ходе активной деятельности, например купеческой, придворной или приказной. Поэтому часто как главы, так и служащие приказа имели непривилегированное положение, но богатый опыт в торговле или службе.

Главы самого приказа являлись, как правило, представителями не самых привилегированных слоев. В частности, Алмаз Иванов был торговым человеком гостиной сотни и до приказа работал дьяком в Казенном приказе [Рогожин, 2002, с. 140], А. С. Матвеев – сыном дьяка и головой московских стрельцов, А. Л. Ордин-Нащокин – дворянином из Пскова, Ф. Ф. Лихачев был дворянином, а княжеское происхождение имел только В. В. Голицын. Кроме того, руководители очень щепетильно подходили к подбору персонала и в свое окружение отбирали людей, ориентируясь на их опыт и способности. Например, Голицын «окружил себя не знатными, но опытными сотрудниками в лице дьяков Неплюева, Касогова, Змеева, Украинцева» [Там же, с. 206].

Для Посольского приказа необходим был человек более активный и гибкий, при этом оставшийся формально и идеологически в рамках московской традиции. Степень восприятия европейской культуры в каждом отдельном случае была разная. Однако сохранившиеся данные позволяют выделить служащих, готовых к активному диалогу с европейской культурой. По мнению Черной, из стен Посольского приказа выходили прежде всего «западники», так как имели прямые контакты с иностранцами и доступ к светской литературе. Она выделяет две категории подобных служащих: первая категория – те, кто увлечен внешним проявлением новизны (ношение иностранного платья, бритье бороды, усвоение европейского быта), например глава приказа Матвеев, создавший придворный театр, обучавший сына иностранным языкам, любивший общение с иностранцами. Вторая категория – те, кто применял западные новации в работе приказа, устанавливал новые правила в торговле, местном самоуправлении и внешней политике, например Ордин-Нащокин и Голицын [Орленко, 2004, с. 170].

Однако вопрос о степени увлечения и восприятия европейской культуры московитом остается дискуссионным. Можно изучать как отдельную личность, так и конкретную ситуацию, в которой служащему приказа приходилось делать выбор и преодолевать противоречие между необходимостью установления связей и работой с иностранцами, с одной стороны, и жестким контролем государства над контактами московитов и иностранцев, нарушением существующей московской традиции – с другой. Имеющийся материал доказывает, что обычные служащие, в отличие от глав

приказа, в меньшей мере могли себе позволить в домашнем быту или на службе проявить симпатии к европейской культуре, однако это не говорит об их неготовности к ее восприятию.

О том, насколько европеизировались взгляды служащих приказа, свидетельствует пример дьяка Котошихина, который в силу сложившихся обстоятельств бежал за границу. Посольский дьяк Григорий быстро адаптировался в Швеции, нашел богатого покровителя и вошел в историю как автор труда «О России в период царствования Алексея Михайловича» [Котошихин, 1859], в котором продемонстрировал свою эрудицию и критический взгляд на реалии Московского государства.

Проявление «европеизма» служащими Посольского приказа зачастую зависело от их финансового положения, влияния в придворном кругу и воли царя. Важным фактором была религиозная традиция, общественное мнение, особенно патриарха, который довольно жестко следил за подобными нарушениями. Известен факт, когда, перед тем как открыть придворный театр, Алексей Михайлович спросил разрешения у патриарха [Лытин, 1885, с. 325]. В повседневной жизни служащих приказа в большей или меньшей степени присутствовали элементы европейской культуры. Они проявлялись в знании европейских языков и собирании больших библиотек, особом отношении к образованию, в нетрадиционном интерьере дома, в организации досуга, взаимоотношениях с детьми и супругой или неформальном общении.

Многие главы и дьяки приказа владели иностранными языками. Так, Голицын свободно говорил и читал на латинском, греческом, польском и немецком языках [Рогожин, 2002, с. 205], Ордин-Нащокин владел польским и латынью, знал математику, Украинцев владел иностранными языками, имел значительную библиотеку, за что его прозвали «книжником». Матвеев писал челобитные царю с выдержками из Сократа и Аристотеля, был знаком с римской и греческой историей, имел библиотеку. Большое количество книг на русском и иностранных языках по богословию, философии, военному делу, грамматике, гражданскому управлению находилось в доме Голицына [Там же, с. 174, 197, 215].

Пополнение библиотек работников приказа осуществлялось за счет переводческой деятельности приказа и наличия печатных или письменных экземпляров светской и богословской литературы. Некоторые книги даже брали домой, так что часть из них оставалась в домашних библиотеках. Федор Головин, великий и полномочный посол в Китае в 1685 г., читал латинских классиков и вел переписку на латыни, а став дипломатом, изучил монгольский и английский языки.

Согласно источникам главы и служащие приказа стремились приобщить к деятельности и своих детей, повышая их образовательный уровень и поручая им выполнение конкретных задач. Так, Воин Нащокин хорошо знал немецкий и французский языки и неоднократно привлекался к работе отцом. Обладая секретной информацией и документами, в 1660 г. он неожиданно бежал в Польшу, где прослужил в течение пяти лет польскому королю [Эйгорн, 1897], после чего вернулся на родину и был прощен царем. Домашнее обучение европейским манерам, языкам и наукам получили дети Матвеева, первого резидента в Варшаве В. Тяпкина, Голицына, Головина [Проблемы..., 2005].

Многие служащие приказа предпочитали европейский интерьер своих домов. Голицын и Матвеев имели дома на «европейский манер»: часы, карты, зеркала. В списке вещей, отписанных в казну после опалы Матвеева в 1676 г., упомянуты парсуны: святитель в мантии, два польских короля, двенадцать сивилл, боярин И. Д. Милославский, сам Матвеев (поясной и стоячий), дети его, картина «Целомудрие, а в правой руке написан скипетр, а левой руке книга» и т.д. [Лытин, 1885, с. 323]. Иноземным явлением в московской архитектуре XVII в. был дом дьяка Алмаза Иванова. Он выделялся своими размерами: трехэтажный, с крутой пощипцовой крышей и ступенчатыми фронтонами на торцах. Возведен он был между 1680 и 1690 г. на Ваганьковском холме. По мнению В. В. Кириллова, не исключено, что такой дом, который типологически соотносился с жилыми постройками в Немецкой слободе на Яузе, построен иноземными мастерами [Кириллов, 2000, с. 46].

Некоторые европейские черты проникали и в семейную жизнь. Матвеев был женат на шотландке Евдокии Григорьевне Гамильтон [Лытин, 1885, с. 323], которая участвовала в беседах с гостями и отличалась от традиционных московских замужних женщин иной манерой поведения. Матвеев принял активное участие в создании первой комедийной хоромины, он лично следил за труппой, репертуаром, костюмами, сметой театра. При этом интересным является тот факт, что больше половины глав приказа, были либо сосланы (А. И. Власьев, И. Т. Грамотин, Ф. Ф. Лихачев,

А. С. Матвеев), с конфискацией имущества, либо после ухода с должности самостоятельно отправились в монастырь (И. Т. Грамотин, А. Л. Ордин-Нащокин).

Одной из привилегий для служащих приказа были выезды за границу с царскими поручениями в качестве послов, посланников, членов посольской свиты или представителей государя для решения частных вопросов. В связи с необходимостью расширять контакты с европейскими странами количество поездок и поручений в Европу увеличилось, в результате чего служащие смогли познакомиться с западной жизнью и культурой. В первую очередь это были соседние страны – Польша и Швеция.

В 1613 г. с февраля по июль было отправлено 8 посольств (в Австрию, Речь Посполитую, Турцию, к константинопольскому патриарху, Англию, Данию, Крым и Персию) с извещением о воцарении Михаила Романова и просьбой о денежной и военной помощи против Польши и Швеции. А с новостью о присоединении Украины к Московии и началом войны с Польшей русские дипломаты посетили 9 европейских дворов (Австрию, Голландию, Курляндию, Пруссию, Францию, Швецию, Гамбург, Гданьск, Любек) [*Рогожин*, 2002, с. 246–247]. Столько же стран было оповещено о заключении Андрусовского перемирия с Польшей в 1667 г.

Глава приказа А. И. Власьев в начале XVII в. пять раз был в посольствах за границей; А. И. Иванов в 1649 г. ездил с поручениями в Швецию, в 1652 г. – в Краков [Там же, с. 146]; Ордин-Нащокин посещал Швецию, Данию и Голландию. В 1654 г. подьячий Ф. Ф. Порошин был отправлен в Берлин, где впервые узнал, что европейским монархам отдают поклоны, а не целуют руку, как Московскому государю [*Кене*, 1881, с. 910]. В поездке немецким художником с посла был написан портрет, который он увез с собой. Стольник П. И. Потемкин и дьяк С. Румянцев в 1657 г. во время переговоров во Франции побывали на экскурсии по Парижу и его окрестностям. Послы увидели Венсенский замок, Королевскую площадь, фабрику гобеленов, Лувр, а также посетили театр, где перед ними играла труппа Мольера, в которой принял участие сам драматург [*Матвеев*, 1891, с. 160]. Вполне вероятно, что посланникам удалось почувствовать более свободную и светскую атмосферу во дворце Людовика XIV.

Помимо статейных списков, отчетов послов о поездках, в XVII в. в Московском государстве появилась возможность узнавать европейские новости из иностранных газет. Первые переводы иностранных газет в России появились в конце XVI в., в частности старейший текст относится к 1600 г., и вплоть до 1631 г. получали их весьма нерегулярно. Немецкие газеты выпускали примерно два-три раза в неделю, как и голландские. Переводы западноевропейских новостных репортажей выполнялись в Посольском приказе, в котором осуществлялась компиляция из нескольких газет для представления в Боярской думе и царю. После прочтения газету отправляли в архив в статусе государственного секрета. Первоначально переводные компиляции назывались «Вести», название «Куранты» впервые было употреблено в 1649 г. [*Maier, Pilgel*, 2001, p. 209–242]

65% текстов, публикуемых в переводных газетных компиляциях, составляли немецкие источники, 15% – голландские газеты, 10% – шведские, 10% – переводы с английских, датских, польских, латинских, греческих и французских источников [*Ibid.*, p. 211]. Согласно исследованию Мейера и Вауга немецкие газеты доходили до Москвы быстрее, чем голландские [*Maier, Waugh*, 2009, p. 31]. Из Гамбурга в Москву почта с газетами после 1667 г. шла 22 дня, из Дании – 24 дня, из Кенигсберга – 25 дней [*Ibid.*]. Перевод газет происходил быстро, иногда в течение дня. Майер и Пилгел, изучая европейские переводы и их оригиналы, пришли к выводу, что качество переводов было довольно высоким, однако случались и ошибки, касающиеся терминов, не имеющих аналогов в московской реальности. Иногда ошибки были заимствованы из немецких газет, в которых неверно перевели сообщение с других языков [*Maier, Pilgel*, 2001, p. 214, 233].

При отборе новостей в приказе сосредоточивались на информации о потенциальных и реальных противниках России – Польше, Швеции и Османской империи [*Maier, Waugh*, 2009, p. 35]. Тематически выбирались вопросы о военных делах, реже династические или иные проблемы. Московское правительство стало внимательно относиться к дипломатии как инструменту давления. В частности, оно высказало протест против Швеции по поводу печатавшихся в Риге сообщений, в которых унижалось царское достоинство («и такие полные лжи куранты (листки) распространялись подданными короля во всей Европе»). Протестовала Москва и против напечатанного в 1655 г. в Ревеле «пасквиля» на московских царей, в котором царь Иван Васильевич назван тираном, а сам Алексей Михайлович уподоблялся Герострату за то, что «своевольно тиранствовал в Ливонии».

Влияние газеты было мало ощутимым, особенно для тех, кто не соприкасался с ее подготовкой, однако появлялся импульс к формированию нового коммуникационного потока внутри Посольского приказа. В связи с удаленностью Московского государства данный инструмент стал хорошей возможностью интеграции России в европейское информационное пространство. Появление новостной корреспонденции и первых газет стимулировало развитие почтовой системы, которая привела к рождению «Новой Европы». Первая почта в Московском государстве открылась в 1665 г. и находилась при приказе Тайных дел для связи с европейскими государствами и нужд двора. На должность первых почтмейстеров были приглашены иностранцы: с 1665 г. – голландец Ян Ван Сведен, после него в 1668 г. – П. Марселлис [Ibid., p. 31–32]. Первый почтовый путь из Европы шел через Архангельск. Корреспонденция из Архангельска до Москвы доходила в середине столетия в течение 25 дней, к концу столетия открылся еще один путь – через Смоленск, – сокративший время получения почты. Из Москвы через Смоленск до Вильно почта шла в 1669 г. примерно 9 дней [Ibid., p. 33]. Вильно и Рига были двумя почтовыми пунктами, через которые шло сухопутное сообщение между Западом и Московским государством. Новости из Лондона попадали в Московское государство через 50 дней, после того как их напечатали [Ibid., p. 29].

До появления почтового сообщения и параллельно с ним новости передавались через послов и посланников в их отчетах, через купцов и торговых агентов, от пограничных территорий, которые собирали новости от приезжавших иностранцев и в виде воеводских вестовых отписок отправляли в Москву. Конфликтующие стороны нередко пытались расстроить почтовое сообщение, поэтому, например, итоговый русско-шведский мирный договор 1661 г. оговаривал интересы обоих государств в беспрепятственной доставке сообщений через Балтику [Ibid., p. 34].

Еще одним следствием включения Московии в коммуникационное европейское пространство было появление постоянных дипломатических представительств, которые играли важную роль в получении и презентации информации о стране. Первая попытка учреждения постоянной миссии была предпринята Грамотиным в 1634 г. [Рогожин, 2002, с. 128]. Речь шла в первую очередь о Швеции и Польше. В 1634 г. в качестве резидента в Швецию был послан крещеный немец Д. А. Францбеков, но пробыл он в своей должности всего полтора года.

Осложнение и расширение дипломатических и торговых отношений Московского государства с Западной Европой вызвало появление в Москве иностранных резидентов и агентов, представлявших интересы различных государств. Во второй половине XVII в. в Москву прибыли: в 1666 г. – шведский, в 1672 г. – датский, в 1673 г. – польский, в 1678 г. – голландский, но только должность последнего все время замещалась, остальные пребывали в Москве с перерывами [Очерк..., 2002]. Все бывшие в Москве с конца XVI в. иностранные представители являлись главным образом торговыми агентами.

Немаловажным средством знакомства с европейской культурой была переводческая деятельность Посольского приказа. По мнению исследователей М. Киселевой и Т. Чумаковой, именно через нее происходил процесс включения Московского государства в европейское интеллектуальное пространство, знакомство русских книжников с идеями их «европейских коллег» [Киселева, Чумакова, 2009, с. 30].

Переводчики Посольского приказа переводили с польского вирши и нравоучительные сочинения, трактаты по философии, этике, этикету, истории и даже теологии. Среди переводных сочинений были работы, в которых проявлялся интерес к человеку, его телесному устройству, вопросам смерти и бессмертия (лечебники, «Управление здравия», сонники и т.п.). В 1677 г. перевели «*Problemata Aristoteles*», написанную Андреем из Кобылина, а также произведение «О частях человеческого тела» [Там же, с. 31]. Стали известны натурфилософские сочинения, медицинские учебники и трактаты, космографические произведения. Переводы оседали в библиотеках не только руководства приказа, но и служащих.

Более доступным каналом прямого контакта с европейцами было неформальное общение, значение которого выросло в период работы в приказе Голицына. Согласно Рогожину именно в это время произошли значительные изменения в стиле деятельности данного учреждения. Среди них можно отметить более свободное общение русских с иностранцами, упразднение некоторых утомительных формальностей, вхождение в обиход личных встреч, переговоров, аудиенций, секретных совещаний и частных визитов [Рогожин, 2002, с. 208].

В первой половине столетия подобная практика осуществлялась только в период правления

Лжедмитрия I. В период Смуты придворные нередко переходили на службу к польскому королю, как по собственному желанию, так и в результате их пленения. Например, Грамотин служил как Лжедмитрием, так и польскому королю Сигизмунду III. По сообщению путешественника И. Массы, он был «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился в плену у поляков и пруссаков». Данный этап не прошел для придворных бесследно и давал о себе знать в правление Романовых. Так, при Михаиле Федоровиче князь И. А. Хворостинин был обвинен в желании выехать на переговоры с иностранными послами, одевшись «по-гусарски», то есть в польской одежде [Там же, с. 24, 129].

Нередко служащим приказа приходилось выполнять в Европе личные поручения царей, успех которых зачастую зависел от умения поддерживать и завязывать неформальные контакты с европейцами. Главе приказа Афанасию Власеву в 1605 г. пришлось пройти обряд обручения с Мариной Мнишек от лица Лжедмитрия в Кракове и всю связанную с этим подготовительную работу. Нередко неформальное общение происходило вследствие открытой или тайной поддержки иностранных купцов. Из записок, оставленных европейцами о Московском государстве, известно, что Алмаз Иванов тесно общался с голландскими купцами [Там же, с. 101, 155], Ордин-Нащокин – с английскими, Голицын лоббировал интересы протестантов и даже католиков. Матвеев неоднократно вел беседы с доктором Стефаном фон Гаденом, книжником Николаем Спафарием, шотландским полковником Павлом Менезием, с уполномоченным саксонского герцога Рингубером, предложившим в мае 1674 г. собрание таблиц и книг со сведениями о порядке управления в Саксонии, ее церковном, политическом и экономическом развитии и ряд проектов преобразования Московского государства [Романова, 2005].

Деятельность отдельных служащих, изменявшаяся на протяжении столетия атмосфера внутри Посольского приказа, рост значения неформального общения работников с иностранцами, функциональные задачи данного органа способствовали национальной адаптации как общеевропейских дипломатических норм, так и элементов европейской культуры в дипломатическом и придворном сообществе.

В рамках приказа существовали действенные каналы, способствовавшие развитию активной коммуникации московского общества с представителями европейского социума. Этому в немалой степени помогала заинтересованность руководства приказа в перенесении положительного опыта организации западной внешнеполитической деятельности в Московию с учетом местной традиции или даже при частичном ее нарушении. Процессы европеизации затронули в основном управленческий слой работников приказа, послов и частично служащих.

Европеизм работников Посольского приказа часто проявлялся в повседневном использовании канонов европейского интерьера, выборе личных средств передвижения, нетрадиционной организации досуга, ином подходе к образованию собственных детей, более активном неформальном общении с иностранцами. В целом, нововведения в работе Посольского приказа в XVII в., изменения в частной жизни его служащих, общность с западными дипломатическими нормами отражают не только появившуюся возможность коммуникации европейцев с москвитями, но и начавшийся в этот период процесс европеизации России еще задолго до реформ Петра I.

Библиографический список

Maier I., Pilgel W. Second-half translation for tsar Aleksej Mihajlovich a glimpse into the «newspaper workshop» at Posol'skij prikaz (1648). Netherlands, 2001 // *Russian Linguistics* 25:2, 2001. P. 209–242 [электронный ресурс]. URL: <http://www.moderna.uu.se/slaviska/ingrid/second-hand.pdf> (дата обращения 15.02.2010).

Maier I., Waugh D. C. How Well Was Muscovy Connected with the World? Wiesbaden, 2009. P. 18 [электронный ресурс]. URL: <http://www.moderna.uu.se/slaviska/ingrid/maierwaugh2009.pdf> (дата обращения 15.02.2010).

Беляков А. В. Специалисты по английскому языку в Посольском приказе второй половины XVII века [электронный ресурс]. URL: <http://www.kreml.ru/ru/main/science/conferences/2003/Russia-Britain/thesis/Belyakov/> (дата обращения 27.02.2008).

Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин: русский дипломат XVII века. М., 1961.

Зонова Т. В. Современная модель дипломатии: истоки становления и перспективы развития. М., 2003.

- История дипломатии от древнего мира до наших дней [электронный ресурс]. URL: <http://www.diphis.ru/content/view/79/> (дата обращения 28.03.2010).
- Кене Б.* Посольство Ф. Порошина в Берлин в 1654 году // Русская старина. 1881. № 9–12.
- Кириллов В. В.* Архитектура Москвы на путях европеизации. От обновлений последней четверти XVII в. к петровским преобразованиям. М., 2000.
- Киселева М. С., Чумакова Т. В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: между царством и Империей // Вопросы философии. 2009. № 9.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1859 [электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm> (дата обращения 13.02.2007).
- Матвеев П.* Дипломатические отношения России с Францией в XVII веке // Исторический вестник. 1891. № 4.
- Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004.
- Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902. 2002 [электронный ресурс]. URL: <http://www.inter-rel.ru/b150-1-1.php> (дата обращения 24.03.2010).
- Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к Современности: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005 [электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.usu.ru/science/pir6.pdf> (дата обращения 15.03.2010).
- Пытин А.* Московская старина // Вестник Европы. 1885. № 3.
- Рогожин Н. М.* «У государевых дел быть указано...». М., 2002.
- Романова О. А.* Частная жизнь ближнего боярина А. С. Матвеева // Проблемы истории России. Вып. 6: От Средневековья к Современности. Екатеринбург, 2005 [электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.usu.ru/science/pir6.pdf> (дата обращения 15.03.2010).
- Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999.
- Эйгорн В.* Страница из биографии Воина Ордина-Нащокина // Вестник Европы. 1897. № 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.07.2010